

Панельная дискуссия НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

20 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (<i>модератор</i>)
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента РФ В. В. Путина
Р. С. ГРИНБЕРГ	директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Д. К. ГЭЛБРЕЙТ	профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (США)
Б. ДЕГАРДЕН	генеральный директор “Banque Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария)
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — За последние 20 лет в ходе многочисленных дискуссий мы здесь пришли, по-моему, к общему пониманию и мнениям относительно экономики. Нам чрезвычайно важно видеть экономику в контексте общего развития, в котором она представляет собой одну из подсистем культуры наряду с правом, политической подсистемой, комплексом нравственных и этических понятий, менталитетом. Та модель экономического развития, которая вместе с некоторыми историческими особенностями позволила Соединенным Штатам Америки сделать блестящий экономический рывок и стать лидерами неолиберальной экономики, возможно, подходит к завершению. Для нас это чрезвычайно важно, поскольку весь мир в первую очередь сравнивает себя с Соединенными Штатами как с экономическим лидером. Эта модель техногенного развития, как определяет ее Вячеслав Семенович Степин, исчерпывает себя, и в мире идет широкий поиск новых моделей. При этом необходимо учитывать опыт Китая, Европейского Союза, Японии и другие варианты построения экономических систем. Главное для нас — понять, куда мы идем. Движемся ли мы к изменению капитализма, дополнению его социализмом? Как дальше будет развиваться этот извечный спор двух систем? Какова будет судьба теории конвергенции?

Нас также интересует, какова роль национального фактора в развитии экономик. В последнее время рассматривается тезис, что каждая страна должна отобрать от капитализма и социализма лучшее для себя сообразно национальным традициям и тому, как те или иные черты разных экономических моделей сочетаются с национальной культурой, менталитетом и уже сложившимися экономическими реалиями.

Придем ли мы к унификации экономики в мире, будут ли все жить по одинаковым правилам? Может ли быть так, что для всех стран окажутся применимы некие универсальные стандарты? Если наблюдается разнообразие в социальной сфере (например, в одной стране можно иметь четырех жен, в другой только одну, а в третьей требуют уравнивать в правах традиционные и однополые браки), то возможна ли в принципе унификация экономических законов и процессов?

И, конечно, важный вопрос для нас: что происходит в России? Целый ряд ученых придерживается точки зрения, что сейчас при определении государственной экономической политики доминирует некое шарлатанство. Государство в постсоветский период отказалось от того, чтобы следовать рекомендациям академической науки, и наряду с институтами Академии наук создало институты, мягко выражаясь, сомнительной

научности. И именно на них при принятии решений в первую очередь опираются Правительство Российской Федерации, Центробанк и другие экономические ведомства. Эта лженаука слепо копирует то, что происходит в других странах, но, возможно, к экономическому развитию России надо подходить совершенно иначе. Это серьезный вопрос.

Предлагаю Александру Дмитриевичу Некипелову высказаться первым. Прошу Вас.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, хотел бы привлечь внимание к тому, что в области социальных наук мы нередко оперируем понятиями, которые до конца не определили. Что такое глобализация? Как она соотносится с формированием единой, однородной экономической системы во всем мире? Это одно и то же или нет? Мы не обсуждаем это, а говорим о частных следствиях. Если определять процесс глобализации именно таким образом, то естественными точками опоры будут два следующих обстоятельства: в рыночной экономике основными ее экономическими участниками являются отдельные фирмы, люди, производители и потребители, а развитие средств коммуникации, транспорта, цифровых технологий подталкивает к невиданному усилению технологической взаимозависимости национальных хозяйств. Но почему тогда постоянно возникают препятствия, мешающие распространить такую однородную рыночную модель на мир в целом, почему постоянно возникают межгосударственные противоречия? Обычно мы ссылаемся на государственные интересы, но понимаем ли мы до конца их природу? Боюсь, что нет: мы просто исходим из того, что страны преследуют некие цели, у них есть традиции, которые проходят через всю их историю. Но структура мирового хозяйства очень сложна: в нем действуют фирмы, потребители, транснациональные корпорации — удивительные образования, в которых международные связи являются одновременно частью их внутрифирменных отношений — национальных государств. Действуют, наконец, всевозможные договоренности в международной сфере, формирующие институционально-правовую среду, межгосударственные и надгосударственные институты, в основном в крупных региональных объединениях. В связи с этим возникает много вопросов. Например, само формирование крупных региональных объединений — это часть процесса глобализации, так как структура мировой экономики укрупняется, становится более глобальной? Или это, наоборот, проявление новых разделительных линий, и в этом смысле некий откат в новых исторических условиях от процесса интернационализации экономической жизни?

Сегодня мировая экономика развивается в рамках сложной системы. В ней действуют участники с разными устремлениями, которые к тому же не всегда могут точно определить свои цели. Эта ситуация вызывает дискомфорт у специалистов в области естественных наук. Роберт Искандерович Нигматулин, выдающийся математик, даже призывал нас к радикальному решению этого вопроса при помощи инженеров. Я был бы

очень рад, если бы это было возможно, но боюсь, что события будут развиваться иначе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Дмитриевич, Вы говорите, что участники экономического процесса имеют разные ожидания. Но хочу напомнить, что российский экономический курс критикуют люди, для которых экономика вообще не главное. Многие считают, что в России сформирована совершенно неправильная парадигма. После многих столетий развития цивилизации экономисты почти отказались от гуманитарных ценностей, необходимости учитывать интересы других. От того, что было раньше, и в первую очередь в западной экономике, в европейской протестантской этике. Теперь же нравственность отброшена, причем на всех уровнях, побеждает сильнейший, законы можно не исполнять. На международной арене правительства снова, как это уже неоднократно было, выступают субъектами, которые устраивают войны в целях победы тех или иных экономических групп. У людей, которые не обязательно мечтают быть очень богатыми, но хотят жить в цивилизованном обществе, заниматься культурой, наукой, искусством, обучением детей, возникает вопрос: почему мы опять возвращаемся к уродливому типу экономики, навязывающему всем представление о том, что деньги в жизни — главное? Скоро иссякнут все полезные ископаемые — и ради чего мы до этого доводим? Чтобы все потребляли как можно больше, ели по три котлеты на обед, чтобы у кого-то вздувались денежные «мыльные пузыри»? Поэтому встает вопрос о том, что нужна новая экономическая парадигма. Возможна ли она?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Александр Сергеевич, даже когда мы говорим о рыночной экономике, то не должны забывать, что в ее основе лежат определенные ценности. «Экономический человек Адама Смита» — это человек, у которого есть ценности. Другое дело, нравятся ли они нам.

Что касается альтернативной модели хозяйственного устройства, то я глубоко убежден (и пытаюсь это в различных исследованиях обосновать), что никакой оптимальной, годной во все времена модели не существует — именно потому, что нет однозначного решения проблемы социального выбора. Эти решения формулируются в каждый исторический отрезок времени и связаны в том числе с правилами игры, которые признают справедливыми члены социума. Насколько я знаю, коллеги Гжегож Колодко и Джеймс Гэлбрейт разделяют этот подход. Гжегож рассматривает его с позиции «нового прагматизма», и это действительно тот подход, которому мы на практике все с большим или меньшим успехом следуем. Это не означает, что абстрактные теоретические исследования не нужны. Они позволяют понять очень многое, для начала то, чем объект общественных дисциплин отличается от естественно-научных объектов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дискуссию продолжит господин Гэлбрейт.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Я хотел бы напрямую ответить на ряд вопросов, которые были поставлены Алек-

сандром Сергеевичем. Конечная цель рыночной экономики — вовсе не создание полностью однородного пространства. Речь идет о том, чтобы выстроить определенную иерархию людей и капиталов на основе повышения жизненных стандартов, достижений техники, финансирования. Предпринимались также попытки дестерминирования на основе военной силы. Я не думаю, что это возможно, поскольку система, которая развивается, будет в таком виде неприемлема для большей части человечества и не сможет устойчиво развиваться. Региональные системы интеграции также вызывают вопросы в связи с глобализацией.

Что касается самого наглядного примера, который сейчас представляет Европа, эта система изначально была рассчитана на то, чтобы обеспечить политическую стабильность на длительный период. Но сейчас мы видим, что она стала инструментом для того, чтобы навязывать определенную идеологию и экономические догмы. В результате Европейский Союз и еврозона превратились в неустойчивые с экономической точки зрения регионы, где не меняются политики, идеи, институты. Тем не менее я уверен, что в Европе грядут перемены, которые отразятся и на России. Здесь много экономических проблем, но основная — общая нестабильность капитального финансирования. И это не новость. Мы знаем, к чему это привело в 1920-х годах. В то время экономики стран были локализованы, и их развитие не было синхронным. Глобальная экономика возможна только в глобальных масштабах. Это означает, что сила финансирования вмешивается в процесс, в котором задействованы самые разные участники, включая регуляторов, которые должны обеспечивать соблюдение определенных норм. Пока это не достигнуто, возможно продолжение и даже усиление кризиса. Поэтому мы можем сказать, что основные проблемы с точки зрения вызовов для национальной экономики связаны с нехваткой финансирования.

К сожалению, современная экономика — это по сути не наука, и если сейчас и используются те или иные теории, то они не являются актуальными. Поэтому было бы очень полезно, если бы были разработаны новые теории, и только потом можно было бы переходить к практическим мерам.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Джеймс, сейчас часто высказывается мнение, в том числе и в американских экономических журналах, что американская экономическая модель, которую долгое время все воспринимали как идеальную, утратила свой динамизм. Даниил Александрович Гранин высказал, на мой взгляд, классическую либеральную идею: хочу, чтобы государства было как можно меньше, а человека было как можно больше. Но мы видим, какой интерес вызывает, например, экономика Китая, несмотря на возникшие в последнее время проблемы, и другие азиатские модели. Многие экономисты говорят, что надо возвращать государственное регулирование, и даже в самих Соединенных Штатах оно сегодня очень сильно. Вопрос только в том, чтобы оно было квалифицированным и направленным на пользу экономики в целом.

И второй вопрос, который волнует многих. В сфере, скажем так, идей Соединенные Штаты активно продвигают свое понимание свобод и других ценностей. Но в рамках этого понимания главной ценностью считаются деньги. Это действительно так или на самом деле американская мысль видит доминирующую роль каких-то других ценностей наряду с материальными? Как Вы это видите, так сказать, изнутри?

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Мы можем вспомнить о том, как обстояли дела до эпохи Рональда Рейгана. Конечно, успехи экономики США в период после 1933 года были основаны на «новом курсе», который способствовал развитию государства. Джонсон продолжил эту тенденцию строительства общества. Возникали важные институты, такие как социальное обеспечение, инфраструктурные инвестиции. Сегодня они продолжают служить фундаментом развития экономики США. И есть также успешные регулятивные инициативы, которые касаются использования технологий.

Понятно, что по сравнению с XVIII–XIX веками многое изменилось. Я утверждаю, что успех развитых экономических стран состоит в том, что у них есть эффективно работающая регулятивная система, которая позволяет людям быть уверенными в экономическом прогрессе. Дело не в образовании — оно в основном доступно широким массам. Очень важно, чтобы использовались передовые производственные технологии. Вопрос не только в том, чтобы иметь порты и железные дороги, гораздо важнее, чтобы действовали соответствующие нормы и законы, которые обеспечивают высокие жизненные стандарты. Известно, что в социалистических странах качество производимой продукции оставляло желать лучшего. И в Китае в 1990-х годах, несмотря на бурный рост, проблемы с качеством были не по причине чрезмерного навязывания воли государства, а, напротив, из-за невмешательства государства и отсутствия необходимых норм регулирования. Таким образом, свободный рынок сам по себе не гарантирует экономического роста, это иллюзия. Он может стимулировать развитие тех отраслей, которые сеют разрушения, и наоборот, не поддерживать жизненно важные сферы. И здесь, повторю, корень проблемы лежит в финансовом секторе. Без выверенных законодательных норм, которые будут способствовать развитию экономики, финансовые инструменты не будут действовать, а «естественный» ход событий может привести к разрушению. Соединенные Штаты преодолели эти проблемы в свое время, сегодня, с начала XXI века, с ними сталкивается Европа. Это касается, в частности, налогообложения транснациональных компаний. В данной ситуации трудно прогнозировать, как будет дальше развиваться ситуация.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас выступит господин Колодко. Напомню, что Польша, где он на протяжении ряда лет занимал ключевые позиции в финансово-экономической сфере, намного раньше России начала рыночные реформы. Поэтому будет очень интересно узнать точку зрения господина Колодко по обсуждаемым вопросам.

Г. В. КОЛОДКО: — Я здесь выступаю не как политик, а как ученый, поэтому не стоит на меня ссылаться как на вице-преьера и министра финансов. Меня пригласили работать в правительство, потому что я хороший экономист. Несмотря на то что политический шлейф тянется за мной всю жизнь, я считаю, что мне повезло, потому что я могу заниматься экономикой как наукой.

Польша доказала, что в стране, находящейся в центре Европы, в эпоху глобализации можно построить нормальную рыночную экономику, которая в большой степени будет ориентирована на человека.

Академик Некипелов сказал, что не существует согласованного определения глобализации. На мой взгляд, таких определений много, в том числе предложенный московскими экономистами (которые не всегда понимают то, о чем говорят). Например, бытуют странные термины «мировая глобализация» или «глобализация мировой экономики» — это тавтология. Главное здесь — слово «экономика» (движение рабочей силы, денег, капитала), а не «глобальный». Вокруг глобализации вращаются культура, экономика, безопасность. Глобализация — исторический, спонтанно протекающий открытый процесс. Либерализация и интеграция могут происходить, одинаково интегрируя местные и мировые рынки в единую глобальную взаимосвязанную, взаимозависимую систему.

Глобализация — необратимый процесс. Она может не нравиться нам, но мы не можем ее остановить, поэтому нам придется к ней приспособиться, в том числе используя знания экономической науки. Я выступаю против экономических утопий. Мы хотели построить рыночную экономику в Польше, России, Швейцарии и так далее, но рыночной экономики не может быть без капитализма. Сегодня капитализм распространен везде, а мы говорим о нем так, как будто речь идет о конце истории. Но это не так. До сих пор возникают конфликты интересов, которым мы должны положить конец.

В моем институте «TIGER» (сокращение от слов «трансформация», «глобализация», «экономика» и «развитие») говорят о глобализации, капитализме с человеческим лицом. Эти слова можно использовать как лозунг, но ни в коем случае не как термин. Поэтому не следует стремиться к утопии — глобализации с человеческим лицом. Конкретные страны (Россия или Польша, Индия или Пакистан) в мировом масштабе должны проявлять человеческое лицо, а именно социальную заботу об обществе, развитии социальных институтов, удовлетворении социальных нужд, развитию «зеленой» экономики. Россия во времена Ельцина пошла по пути неолиберализма и из этого ничего не получилось. Польша пережила шоковую терапию в 1990-е годы. Можно довести явление до определенной степени, но конца этой борьбе не предвидится.

Очевидно, что Китай не будет господствовать в мире. В Китае построен такой же капитализм, как и везде, основанный на различных ценностях, которые вызывают конфликты. Но именно в их решение экономика должна внести свой вклад. Как сделать мир менее иррациональным? В мире существует столько противоречий, что необходимо перепоручить компьютеру най-

ти разумное начало в том, что делают люди. Экономисты занимаются тем же, чем и все человечество: они намеренно или ненамеренно пропагандируют тот или иной курс (иногда плохой, иногда хороший).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Колодко, Вы выступаете на нашем форуме не как политик, а как выдающийся экономист, книги которого хорошо известны в России. Просто Вы один из немногих экономистов, кто имел возможность существенную часть своих экономических воззрений внедрить на практике.

Позволю себе маленькое замечание по поводу глобализации. Сейчас многим ученым, в частности культурологам, все представляется не таким однозначным. Когда мы смотрим на то, что происходит в мире, судьба глобализации не кажется такой безоблачной и неотвратимой.

Первый пример — тенденция дезинтеграции Евросоюза, которая реализуется вопреки глобализации. Второй пример — развитие Азии. На Лихачевских чтениях прозвучало несколько интересных докладов специалистов из Азии. В частности, они отмечали, что их не устраивает модель глобализации по образцу Запада и что они будут реализовать свою модель глобализации. Третий пример — Россия, в которой экономика в ряде случаев вообще не выходит на первое место. В России многие сегодня высказываются в том плане, что мы не будем не только есть швейцарский и французский сыры, потреблять западные товары, но и вступать в процесс глобализации по правилам, которые диктует нам Запад.

Господин Колодко, в начале своего выступления Вы сказали очень интересную фразу, что в период Вашего руководства Польшей были достигнуты большие успехи, активно развивалась экономика. На Ваш взгляд, в чем заключается урок Польши, осуществившей успешный переход от социализма к капитализму? Господин Алексащенко, который 25 лет назад был крупным руководителем в банковской системе, подробно анализировал проблемы перехода от социализма к капитализму и пришел к выводу, что нет прецедентов подобной практики. Венгрия, как и Польша, попыталась перейти от социализма к капитализму и достигла чуть большего, чем Россия. Что делать России?

Г. В. КОЛОДКО: — В конце социалистического периода (времени, о котором в Польше говорят как о коммунизме, хотя коммунизма в нашей стране никогда не было), 27 лет назад, мы обрели независимость и свободу. Сколько я себя помню, мы всегда жили в свободной стране. Чего мы добились? У нас была неолиберальная экономика под руководством коррумпированного финансового сектора. Сейчас озвучивается иная история, например Бальцеревич написал статью в «Wall Street Journal», в которой отметил, что к власти пришло правительство национального уничтожения.

Для преодоления негативных тенденций прежде всего необходимо грамотное руководство, лидеры. Наш коллега из Пакистана господин Азиз сказал, что без лидера не будет движения. Но лидеры могут ошибаться (как Мубарак, Каддафи, Мао Цзэдун, которые

тоже были лидерами). Нужен просвещенный лидер, который понимает, что такое прогресс и глобализация. Мы можем предпочитать российский сыр швейцарскому, но таким образом мы не сделаем российский сыр лучше.

Польша должна иметь свое видение, программу. Это не программа или план Колодко, а стратегическая программа, то есть стратегия устойчивого долгосрочного развития и интеграции с Европейским Союзом, потому что мы являемся частью Европы, а не Юго-Восточной Азии или Латинской Америки.

Нормальная экономическая теория заложила основы устойчивого длительного стратегического развития Польши. Мы учим своих студентов тому, что жадность не есть благо. Я вижу свою работу в обеспечении прогресса, движения в будущее на основе ценностей. Речь идет о ценностях, а не о деньгах. На этом пути будут и успехи, и неудачи.

Западная пресса (газеты, журналы, такие как "Economical", "Financial Times") считает, что Венгрия и Польша — по-прежнему самые успешные страны в Центральной Европе. Положение в Польше сейчас лучше, чем на Украине, но не лучше, чем в России. Китай находится в более выгодном положении, чем Россия. Сейчас Россия потерпела неудачу в развитии глобализации, по-видимому, неправильно отнеслась к этому явлению, в отличие от Китая, который выиграл в ходе глобализации. Возможно, глобализация еще полностью не оформилась в России, является неустойчивой, кроме того, неправильная политика мешает идти по правильному пути. Здесь еще не раз будут возникать конфликты интересов, и мы должны извлекать уроки как из успехов, так и из неудач.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется господину Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — Я думаю, что в результате процесса глобализации не создается модель развития мировой экономики. Дело в том, что мир плоский, у каждой страны — свои мерилы успеха, свои пути его достижения, и глобализация сама определяет пути своего развития. В Европе нельзя сравнивать немецкую, французскую или итальянскую модели. Италия не может стать Германией, чтобы улучшить свое экономическое положение. В Азии капитализм в Китае оказался самым успешным. Еще в 1994 году на Китай приходилось всего 2 % мирового ВВП, а сейчас — 13 %. Если раньше Китай давал 3 % мирового экспорта, то сегодня — 18 %. И на этом пути Индия вряд ли догонит Китай, хотя у нее есть свои преимущества, а у Китая — ограничения (стране сложно инвестировать 50 % ВВП в идеи развития, а в последние годы Китай занимался именно этим). То есть единой экономической модели не существует.

Если говорить о региональной интеграции в сравнении с мультикультурализмом, многосторонним миром, то можно сказать, что политика мультикультурализма была необходима, но сейчас она ограничена двумя-тремя центрами. Многополярность не так распространена. Существование этих двух-трех центров

обусловлено региональными экономическими соглашениями. Так, Америка подписала соглашение с Мексикой и Канадой, а также с десятью странами Азии.

Будущее — за региональным партнерством. В Европе 70 % торговли осуществляется между европейскими странами, в Америке 50 % товарообмена совершается между США, Мексикой и Канадой. То же самое происходит в Азии. А на Ближнем Востоке или в Африке товарооборот составляет всего 12 %. Этому есть объяснение: торговать становится сложнее, когда в дело вступают африканские страны, которые могут стать конкурентами и продают друг другу одни и те же товары.

Я считаю региональные торговые соглашения полезными. Такие соглашения могут заключаться между Россией и другими странами. Пятьдесят лет назад генерал де Голль, который говорил о Европе от Атлантики до Урала, сказал, что мы должны преодолеть все трудности.

Еще один вопрос связан с рисками финансового сектора, прежде всего банковского. Мы должны рассматривать это явление в ином ракурсе. В 2008 году в ряде стран, в частности в Швейцарии, объем банковского сектора был в 6–7 раз больше, чем объем ВВП этой страны. В последние годы наблюдается определенный прогресс в решении этой проблемы, но риск остается. Финансовые риски также обусловлены войной валют. Господин Абэ в Японии пытался провести девальвацию йены более чем на 30 %. В конечном счете Японии это не помогло. Так и в Европе, где курс евро упал с 1,60 до единицы, это тоже не увенчалось успехом. В любом случае девальвация национальной валюты ведет к давлению и инфляции. Финансовые риски также связаны с международной мобильностью капиталов. Мы наблюдали это в России в конце прошлого века и в прошлом году. Сложно преодолеть эту проблему, особенно России, у которой курс национальной валюты упал на 30–50 %. В такой ситуации сложно вести экономическую политику.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы обратить внимание на то, что господин Колодко связывает большие перспективы с глобализацией, а господин Дегарден — с регионализацией. Это два разных направления, которые сочетаются в развитии экономики.

К сожалению, Россия стремительно теряет Запад как идеал. 25 лет назад мы хотели быть как Запад, влиться в западное сообщество и брать пример с США. Теперь не хотим. Еще 10 лет назад мы восторгались Евросоюзом, тем, как он сплотился на основе общих ценностей, какой получил экономический выигрыш. Теперь мы наблюдаем дезинтеграцию Европейского Союза.

Господин Дегарден, мне хотелось бы узнать Ваше мнение (Вы находитесь внутри ЕС, исследуете процессы, происходящие в экономике всего мира) в первую очередь о Евросоюзе. Почему сегодня Евросоюз находится в таком сложном, как считают многие западные коллеги, драматическом положении, при котором его будущее не определено? Дело ведь не только в проблеме миграции. Существуют серьезные проблемы эконо-

мической интеграции. Может быть, главные проблемы лежат не в экономике, а в совершенно иных сферах? В чем корень сегодняшних проблем Евросоюза и как они будут преодолеваются?

Б. ДЕГАРДЕН: — Я не уверен, что мы можем называть этот процесс дезинтеграцией Европы. Возможно, появятся новые инициативы по развитию интеграции внутри Европы. Существует много возможностей развития в этом направлении, в частности, современная бюджетная политика такова, что коэффициент должен повышаться.

Кроме того, необходимо способствовать интеграции и развитию инфраструктуры, энергетической политики, создавать новые направления сотрудничества между странами. За последние 17 лет к ЕС присоединилось 16 новых стран. Нужно думать о том, как с помощью западных партнеров развивать интеграцию — это возможный вектор будущего развития.

Несколько слов о мигрантах. Население Европы составляет 500 миллионов человек, а прибывших мигрантов — 1 миллион. Такая страна, как Франция (где более 36 тысяч городов), должна была принять 30 тысяч мигрантов, и они не должны были стать проблемой. Существуют проблемы, связанные с не очень благополучным экономическим положением, краткими временными сроками и пр. Но я считаю невероятным, что Европа не сможет принять увеличение численности ее населения на 0,2 %.

На мой взгляд, гораздо правильнее развивать отношения между Россией и Европой или, точнее, между Россией и ЕС, чем между Россией и Китаем. У Европы и России много общего, а Китай — по многим направлениям конкурент России. Сегодня Китай проводит политику, направленную на реализацию собственных интересов. Россия активизирует торговлю с Китаем и поставляет свои товары в эту страну (это положительный момент). Но представьте, что на берегах Амура с китайской стороны проживают 50 миллионов китайцев, а с российской стороны — почти никто, — это может привести к конфликту. Поэтому нужно развивать сотрудничество между Россией и Европой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Как культуролог скажу, что Евросоюз никогда не сможет «переварить» и, соответственно, привить свою культуру миллиону мигрантов, которые приехали туда. Яркий пример — то, что случилось в Югославии, когда маленький этнос с иной культурой, оказавшись внутри страны, нанес мощный удар по Югославии. Никогда Евросоюз не сможет ассимилировать тех, кто сегодня туда приехал.

Господин Дегарден, правильно ли я понял, что большие проблемы Евросоюза вызывало стремление быстро интегрировать те страны, которые находились за его пределами и были доступны для освоения? Если бы это происходило в меньших масштабах и более медленно, то сейчас сложилась бы иная ситуация.

Б. ДЕГАРДЕН: — В настоящее время в Европейском Союзе проживают 12 миллионов мусульман. Поэтому нельзя говорить о том, что население Евросоюза

увеличилось всего на 0,2 % людей с другой культурой. Интеграция никогда не была простым явлением. В свое время велась кровопролитная борьба между бельгийцами и французами, испанцами и французами и др.

По прошествии многих лет можно высказать надежду, что если интеграция была возможна в прошлом, то возможна и сейчас. Вопрос не в том, что нужно полностью открыть границы, а в том, что мы должны быть способны ассимилировать миллион беженцев. Кроме того, в таких странах, как Германия, численность населения снижается. Сегодня в Германии на семью приходится 1,2 ребенка, а нужно 2, чтобы сохранить численность населения, а в Италии — нужно 1,4. Должны ли мы сделать то же, что и Япония (где проживают 127 млн), которая закрыла свои границы?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В России благодаря государственной политике Д. Медведева и В. Путина резко увеличилась рождаемость.

Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Руслану Семеновичу Гринбергу, экономисту, исследующему современные процессы развития экономики в нашей стране, внимательно изучающему реформы Горбачева, Ельцина, хорошо знакомому с нынешней ситуацией.

Руслан Семенович, Вы высказывали мнение, что у Горбачева не было иного пути, кроме того, что он сделал, то есть мы все время находились в определенных обстоятельствах, в рамках которых вынуждены были действовать. Но высказывается и иная точка зрения. Например, академик Богомолов считал, что руководством страны на протяжении длительного исторического периода допускались ошибки, проявляющиеся в игнорировании уроков западного опыта, в частности Венгрии и Польши. Кроме того, М. С. Горбачев не хотел учитывать опыт Китая, где лидеры проводили реформы начиная с 1970-х годов. Конечно, следовало учитывать азиатский, в первую очередь китайский, опыт выхода из социализма и т. д.

Как Вы относитесь к тем метаморфозам, которые происходили? Допустил ли кто-либо серьезные ошибки в выборе экономического пути или все время у нас выбирались неизбежные варианты развития? И куда нам двигаться дальше?

В. С. ГРИНБЕРГ¹: — Важно подчеркнуть, что существовали большие различия в стартовых условиях китайской и русской трансформаций. Дело в том, что в Китае тогда фактически был голод, умирали десятки тысяч людей. Об этом, в частности о Мао Цзэду-

¹ Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Экономическая социодинамика» (в соавт.), «Индивидуум & государство: экономическая дилемма» (в соавт.) и др.; статей: «Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы», «Восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия», «Интеллектуальная катастрофа России», «О новой концепции внешней политики Российской Федерации» и др. Президент Новой экономической ассоциации. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова за научные работы II степени. Награжден орденом Дружбы, почетной грамотой Президиума РАН, Почетным знаком Института экономики РАН.

не, который довел ситуацию до этого, сказал господин Колодко.

Горбачев хотел очеловечить общество, и общество хотело этого, а также свободы и справедливости. Но он переоценил наши качества, дал нам свободу, которой мы воспользовались так, как воспользовались. Это был несколько наивный взгляд: если победит демократия в России, то он станет великим лидером, если не победит, то в учебниках про него будет написано две строчки, как про новгородское вече, например.

Теперь я хочу сказать о том, что меня больше всего волнует в контексте Лихачевских чтений. Мне кажется, что данный форум с каждым годом становится все более глубоким. Обычно отсылки к тому, что мы должны междисциплинарно подходить к объекту, человеку, обществу, ничем не заканчиваются. Мне кажется, что мы здесь нащупываем почву для того, чтобы междисциплинарные исследования состоялись и были сделаны выводы.

Когда в 1990-е годы на пресс-конференции западный корреспондент спросил Б. Н. Ельцина: «Можете ли Вы одним словом охарактеризовать, как обстоят дела в российской экономике?», он ответил: “Good”. — «А поподробнее, двумя словами?». Ельцин сказал: “Not good”. Такая ситуация наблюдается во всех странах мира.

Мы сегодня говорили о Соединенных Штатах Америки, о том, что их модель нам не подходит. Они и сами не знают, по какой модели хотят строить жизнь. Еще недавно слово «социализм» в Америке было ругательным, а сейчас мы наблюдаем стремительный рост социалистических тенденций. Бернес Андерс утверждает, что в Америке сегодня происходит что-то не то: впервые молодое поколение белых образованных людей живет хуже, чем их отцы.

Что касается проблемы мигрантов в Европе, то я соглашусь с господином Колодко, что Европа, несмотря на все имеющиеся проблемы, в состоянии решить их сама и тем более абсорбировать один миллион мигрантов (другое дело, если приедут десятки или сотни миллионов мигрантов). Здесь играют серьезную роль средства массовой информации, которые предпочитают не писать о хорошем.

Мне кажется, важно здесь, в Университете, где присутствует много молодых людей, обозначить следующую позицию. В связи с этим хочу вернуться к тезису А. Д. Некипелова по поводу отсутствия научно обоснованной хозяйственной модели жизни. Следует отказаться от иллюзии, что кто-то знает, что это правильно, а это — нет.

Сегодня утром по радио обсуждали материал, который вышел в газете «Ведомости». Владимир Путин созвал экономический совет, на котором будут бороться две позиции — его экономического советника Андрея Белоусова (бюджетное стимулирование — мне близка эта позиция) и Алексея Кудрина (бюджетная консолидация). На совете будут спорить о том, что надо делать: одни выступают за увеличение бюджетного финансирования, другие — за частное государственное партнерство.

Чтобы приблизиться к смутно угадываемой нами идеальной модели экономической жизни, нет способа лучше, чем демократизация процедур выбора. Чем больше людей участвуют в выборе той или иной модели, тем меньше вероятность ошибки.

Существует различие между польской и русской реформами, хотя было много правильного и общего. Лешек Бальцеревич и Егор Гайдар — люди одной школы — догматической. Но когда догматики находятся у власти долго, то это становится катастрофой для страны. Не случайно США и Китай — две великие державы, которые правят бал в этом веке, — методом проб и ошибок пришли к тому, что сменяемость власти — панацея от несчастий. Известно выражение: «Если вы не занимаетесь политикой, то политика займется вами». Молодые люди должны перестать быть подданными и должны стать гражданами, ходить на выборы, изучать программы, взять свое будущее в свои руки.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Иногда я смотрю и думаю: это было бы замечательно, а иногда — не дай бог.

Сергей Юрьевич, у нас в Университете и среди участников Чтений Вы хорошо известны своими блестящими докладами, но я, может быть, не все читал внимательно. Поясните мне, пожалуйста, одну вещь. Ваша экономическая теория и Ваши предложения по выходу из ситуации, в которой оказалась Россия сегодня, как мне кажется, базируются на двух китах. Один кит — это проблемы, связанные с переходом на новый экономический уклад, и второй кит — это политический вектор, необходимость решительного очищения от коррупции, от того, что мешает экономике нормально функционировать. Как Вы считаете, болезни сегодняшней экономики России можно излечить классическими экономическими методами (с точки зрения набора существующих экономических теорий) или все-таки у нас есть какие-то специфические явления, для которых нам нужно изобретать рецепты, вытекающие из особенностей нашего исторического пути и культуры?

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Александр Сергеевич, спасибо за вопрос. Господин Гэлбрейт уже выразил отношение к экономической науке, и я с ним, в общем-то, солидарен. У нас под экономической наукой часто понимаются некоторые идеологические клише, которые фактически отражают те или иные интересы. И мы можем бесконечно теоретизировать, что надо было бы сделать, но для российской ситуации приходится констатировать прежде всего утрату управляемости. То, что сейчас декларируется, и то, что происходит в экономике, — диаметрально противоположные вещи. Эта утрата управляемости есть следствие негодных рекомендаций, которые реализуются не потому, что кто-то заблуждается, а потому, что это кому-то выгодно.

Любая экономическая политика — некая сумма экономических интересов. Так же как глобализация в том виде, в котором мы сегодня ее обсуждаем, где основную роль играют транснациональные корпорации, прежде всего американские, европейские, японские, связанные с эмиссиями мировых валют, — это глобализация в интересах крупного финансового ка-

питала, который подпитывается за счет чистой эмиссии денег начиная с послевоенного периода в Европе и с 1971 года — в Америке. И, конечно, такая экспансия американско-европейского транснационального капитала выгодна тем, кто является собственником этого капитала, и невыгодна тем, кто не может воспользоваться такими конкурентными преимуществами, как получать дешевые кредиты и эмитировать мировые деньги. Если говорить о нынешней экономической модели в России, мы единственная страна в «двадцатке», которая сегодня находится в кризисе. Везде идет оживление экономики. Можно посчитать, сколько мы потеряли с тех пор, как Центральный банк объявил о таргетировании инфляции — примерно 3 трлн рублей непроизведенного валового продукта. Но в это же время финансовые спекулянты на московской бирже, манипулируя курсом рубля, получили 25 млрд долларов прибыли за счет обесценивания рублевых сбережений и доходов. И так же глобализация: мы видим в этой модели бенефициара и проигравших. Россия, скажем, в этой модели теряет примерно по 120 млрд долларов чистого трансферта капитала ежегодно.

Сейчас нет времени анализировать, почему это происходит. Я лишь хотел бы заметить, что эта модель уже заканчивается, и фактически та либеральная американоцентричная глобализация, с которой мы этот термин связываем, сегодня достигла пределов своего роста. Это выражается и в финансовых пирамидах деривативов, с которых начался глобальный финансовый кризис, — они стали только больше с тех пор, и в финансовой пирамиде американских долговых обязательств. И эта модель пробуксовывает. Мы видим, что даже при отрицательных процентных ставках и, по сути, при безграничной денежной эмиссии эффект для экономического роста крайне мал: на один доллар прироста ВВП приходится тратить дополнительно 3–4 доллара денежной «накачки». То есть экономика в этой модели буксует. Одновременно появилась новая модель, которую мы связываем обычно с Китаем, о чем здесь много говорилось, а также в значительной степени с Индией, Вьетнамом, Кореей, Малайзией — странами, в которых деньги не являются главной целью экономической деятельности.

Главной целью экономической деятельности является производство товаров, услуг и подъем общественного благосостояния. И государство в этой модели занимается гармонизацией самых разнообразных экономических интересов. Это проявляется и в регулировании прав собственности, и в сочетании планирования рыночной самоорганизации, и в выравнивании возможностей разных людей для реализации своего творческого потенциала. Эту модель мы называем интегральным строем или интегральным мирохозяйственным укладом. Из этой модели вытекают совершенно разные требования к международным экономическим отношениям. Скажем, если либеральная глобализация, по сути, идет путем принуждения — никто никого особо не спрашивает и не церемонится, то регионализация, а потом, думаю, и глобализация в рамках нового мирохозяйственного уклада — путем соглашения.

В качестве примера проиллюстрирую наши взаимоотношения с Европейским Союзом. Как вы знаете, инициатива нашего президента построить единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока не была воспринята Брюсселем по одной простой причине, которую мы наблюдаем на примере Украины: либерализация и регионализация в рамках существующей модели, где правит крупный капитал и все делается в его интересах, реализуются через принуждение других к участию. Мы же в рамках евразийской интеграции договариваемся, у нас действует правило консенсуса и все вопросы решаются путем поиска компромиссов и в общих интересах. А на переговорах с Европейским Союзом нам заявили: «Нет, слушайте нас. Вот такие-то директивы Европейского Союза вы обязаны исполнять, а участвовать в выработке директив вы не можете». И Украине, как мы видим, просто навязали такую колониальную модель, где нужно исполнять все, что принимается в Брюсселе, но повлиять на эти решения совершенно невозможно. Поэтому я называю эту интеграцию бюрократической империей, в то время как интеграция в рамках нового мирохозяйственного уклада основывается на договоренностях и соглашениях.

И, кстати, важным признаком деградации существующей модели либеральной глобализации является, по сути, эрозия международного права. Сегодня оно фактически не действует, не затрагивает эмиссию мировых валют, но де-факто действует мировое правительство в виде Федеральной резервной системы США. Если мы говорим о глобализации на новых принципах, на которых мы сегодня выстраиваем евразийскую интеграцию и которые соответствуют новому мирохозяйственному укладу, то нужно думать о восстановлении фундаментальной роли международного права, в том числе в части эмиссии мировых валют, формирования общемировых программ. Я думаю, что уместно через систему ООН реализовать идею глобальных функций с общим бюджетом за счет налога Тобина. Новый мирохозяйственный уклад намного сложнее, он не однополярный и не плоский и основан на реанимации национальных суверенитетов, на праве голоса каждого участника. В общем, это поиск гармонии в сложности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, переходим к вопросам.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ, *заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ* (вопрос из зала): — Вопрос господину Колодко. Вы сказали, что глобализация — процесс необратимый. Есть такой биологический закон: процесс интеграции сменяется процессом дифференциации. Мы еще знаем из Екклесиаста, что бывает время разбрасывать камни и время собирать камни. И есть мир, который развивается циклически, а не однолинейно. Я понял, что Вы вообще предлагаете однолинейный процесс. И полагаю, что

глобализация — это необратимый, но не однолинейный процесс развития.

Г. В. КОЛОДКО: — Мы живем в мире экономики. Почему глобализация необратима? Это мощь, сила, ее нельзя остановить. В западных экономиках обращают внимание в первую очередь на технологии, которые хорошо подпитывают глобализацию. А у финансового сектора меняются интересы, происходит рост национальных корпораций, и они пытаются определять законы, уложения и диктовать свою волю. Глобализация затрагивает уже все — от обмена мнениями до нашего приезда в Петербург для участия в этой конференции. Но необратимость глобализации не означает, что мы все время будем только бурно развиваться. Мы будем развиваться сначала бурно, потом замедляться, потом, может быть, отступать назад, у нас будут возникать разные проблемы, в том числе и региональные. Но глобализация необратима, если только мы в скором времени не начнем очередную мировую войну.

М. А. МОРАТИНОС: — У меня есть один комментарий к выступлению Бруно Дегардена о будущем Европейского Союза. Я полагаю, что мне надо бы подкрепить его утверждение. Сейчас говорят, что Европа близится к закату, что скоро Евросоюз распадется. Но этого не случится. У Европы есть проблемы, как у любого игрока, но это весьма привлекательный регион. Американская экономика основывается на институтах, а мы пошли дальше. В чем заключается европейская модель? Социальные услуги, образование, инклюзивная экономика — это все уже история успеха. Я не думаю, что что-либо рухнет в Европе. Каждый раз, когда она сталкивается с кризисом, она становится намного крепче. Посмотрите, сколько было кризисов за последние 60 лет. Но Джеймс Гэлбрейт, мой хороший друг, сказал, что Европа рухнет. Господин Колодко, а как Вы думаете?

Г. В. КОЛОДКО: — Думаю, я смогу ответить на этот вопрос и заодно коснуться предыдущего вопроса по поводу биологических циклов. Я писал о физическом подобии в экономике. Интеграция хороша, когда ресурсы дешевы и в изобилии. Когда же ресурсов становится меньше, они дорожают, поэтому, когда возобновляем энергию, то все институты государства становятся хрупкими и тогда могут распасться. Я думаю, что это и произойдет. Что касается конкретно Европы, дело в том, что существуют очень серьезные противоречия и разногласия между зажиточными регионами севера Европы и более бедными и отягощенными долгами регионами юга. Я не думаю, что распада Европы нельзя избежать, но если мы исходим из того, что долги так или иначе надо возвращать, то с любым государством может произойти то же самое, что, скажем, с Грецией. Государство фактически было ликвидировано. Были массивные банкротства, была ликвидирована вся государственная собственность, была продана практически вся береговая линия (ее сейчас приватизируют). Мне кажется, что идут процессы дезинтеграции. Я не убежден, что текущее мышление возобладает. Такие инсти-

туции, как государство всеобщего благоденствия, образование, здравоохранение, — все это может довести только до постоянной стагнации.

Что касается глобализации, у нас есть глобальные учреждения, но глобализация — это не учреждение, а скорее возможность для всех обратиться ко всем и к каждому и возможность для каждого обратиться ко всем. Это не проблема одной страны. Сейчас проблемы создаются для нескольких стран, целых регионов, и интеграционная европейская экономика, интеграционная мировая экономика, вторгаясь в отдельные регионы, разрушает как их экономику, так и ценности. Говорят, что либеральная экономика свободна от идеологии, но это ведь не так.

Р. И. НИГМАТУЛИН, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук (реплика из зала): — Уважаемые коллеги, Александр Сергеевич, хочу сказать, что разочарован многими выступлениями. В связи с этим я вспомнил фразу Стива Форбса из первого номера «Форбс» за прошлый год: «Поразительная неспособность экономистов и политических лидеров оценить, чем сегодня болеет большинство экономик, и назначить правильное лечение, удручает и свидетельствует об их твердолобом отказе изучить факты глубинной эмоциональной отверженности фальшивым идеям и умственной лени». Все-таки для экономической теории представляется актуальной проблема стать естественной наукой с выработкой математических моделей, основанных на экономических балансах и экспериментальных данных. Многие из вас в своих выступлениях ни одной цифры не озвучили.

Приведу один пример по существу, относящийся к экономическому порядку в России. Зарплата российского профессора в 10 раз меньше зарплаты депутата парламента. Пятьдесят процентов трудящихся России получают зарплату менее 20 тыс. рублей. Переведите их в доллары. Как в таких условиях, в таком несбалансированном спросе можно говорить о развитии экономики? Организатор послевоенного немецкого экономического чуда Людвиг Эрхард сформулировал теорему: «Покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности». Это сейчас главная экономическая проблема не только для России, но и для западных стран. Хотя в западных странах она менее критична, но и там богатый класс стал присваивать избыточную часть национального дохода, уменьшая покупательский спрос. Там решают проблемы однополых браков, проблемы дезинтеграции, а в России проблема покупательского спроса настолько остра, что нам до этих проблем еще очень далеко. Нам нужно навести элементарный порядок с покупательским спросом.

Я должен отметить, что в выступлениях экономистов не используются главные макроэкономические параметры, характеризующие современные экономики. К таковым относятся доли в ВВП на оплату труда и госрасходы, децильный и центильный коэффици-

енты. Именно они характеризуют состояние покупательского спроса, являющегося двигателем производительных сил.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Я должен сказать, что страстное выступление академика Нигматулина говорит о полном непонимании того, что есть экономическая наука. И особенно мне забавен его призыв к ее математизации. Экономическая наука, в моем представлении, страдает от излишних математических моделей. И самое интересное заключается в том, что его жалоба на то, что зарплата профессора в 10 раз меньше зарплаты депутата Государственной Думы, вообще не имеет никакого отношения к экономической науке. Кстати, экономическая наука исходит из различных школ мышления, и ваш покорный слуга говорил о том, что это действительно очень вредная история. Надо обратиться к политикам и заниматься именно политическими вопросами, потому что это чисто политическая сфера.

Б. ДЕГАРДЕН: — Я хотел бы обратиться ко всем собравшимся здесь студентам. Если вы спросите меня, закончился ли кризис, который начался в 2008 году если не во всем мире, то в его части, я отвечу — нет. На вопрос, сколько времени потребуется для ликвидации кризиса, я отвечу, что нужно будет очень много времени. Проблемы, о которых здесь говорится, есть не только в России, они существуют везде в мире. Проблемы у молодежи с поиском работы возникают во всем мире, но это не проблема, связанная с глобализацией. Я думаю, вам нужно рассматривать мир, глобализацию как возможность, но не как угрозу. Ведь только 10 % работ в промышленности сокращается, может быть, за счет глобализации, что составляет 20 % чистого экспорта от ВВП — это не так много. Что касается мигрантов, они составляют 3 % от населения Земли. Но если вы посмотрите на студентов, которые учатся за границей, — не более 2 %. Я могу еще много привести цифр. Так что глобализация не настолько всеобъемлющая, как нам кажется, и она не настолько опасная, как нам часто пытаются это представить.

Г. В. КОЛОДКО: — Что касается глобализации, то один из самых больших вопросов относительно ее будущего — это ее реинституционализация. Необходимо, чтобы в будущем были созданы хорошие институты мировой экономики. В Европейском Союзе, например, есть какая-то институционализация, в Соединенных Штатах есть, в России тоже есть. И сейчас самый большой вызов с точки зрения экономики — это реинституционализация мировой экономики. А то, что сказал академик Нигматулин — член Российской академии наук, но, конечно, не специалист по экономическим наукам, — экономист бы не сказал. Здесь продолжается междисциплинарная дискуссия, потому что экономика — это прежде всего не математическая, а социальная наука. Мы говорим о людях, обществе, а другие говорят о деньгах.

И последний момент. Как можно цитировать «Форбс»? Я хочу сказать, что хороший экономист ни-

когда не должен ссылаться на «Форбс». Это журнал неолибералов, их орудие в борьбе с другими представителями общества. Мы, экономисты, не читаем «Форбс», мы читаем хорошие книги. И дело не в российской Государственной Думе, потому что мы сейчас присутствуем на научных Лихачевских чтениях. И я также хотел сказать, что мысль о том, чтобы ссылаться на Стива Форбса, когда он говорит о Европе 2000 года, очень оригинальная, надо будет изучить этот вопрос. Мне вообще-то до сих пор такая мысль даже в голову не приходила.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я тоже хочу обратиться к студентам. Коль скоро мой коллега академик Нигматулин бросил экономистам вызов, я хочу на него ответить таким образом. Экономика — это сфера мысли, которая вращается вокруг интересов. И она несвободна от этих интересов. К сожалению, приходится констатировать, что мейнстрим экономической мысли до сих пор всегда был апологетическим, будь то марксистская политэкономия социализма или современная экономика на основе неоклассического синтеза, о котором вы читаете в учебниках. Этот мейнстрим оправдывает интересы властвующей элиты и весьма далек от реальной жизни. Он сконцентрирован на вопросах обмена результатов труда и производства, потому что нужно легализовать то распределение в общественном сознании, которое мы имеем по факту. А если говорить об экономической науке в правильном смысле, она должна заниматься вопросами развития экономики. И если мы с такой точки зрения пойдем к требованиям экономической науки, она действительно становится похожа на инженеррию, конструирование механизмов развития, регулирование экономических отношений в целях роста благосостояния общества. Это наука нового мирохозяйственного уклада, она уже рождается.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, я хотел бы сказать, что математика действительно очень широко используется в экономической науке по двум направлениям. Первое — это область абстрактных теорий, моделей. Эти абстрактные модели, по моему мнению, очень полезны для того, чтобы понимать, как в принципе работает эта система, но не имеют никакого отношения к управлению этой системой. Второе направление моделирования в экономической науке — в рамках эконометрики, где исследуются факты. К сожалению, исследование фактов не дает оснований для окончательных, верных на все времена выводов. Оказывается (и как раз в этом отличие экономической сферы), что примерно в одних и тех же условиях могут быть разные следствия, в отличие от естественных наук. Есть проблема ожиданий: в одних случаях у людей одни ожидания, как говорят экономисты, в других — другие.

Выдающийся экономист и математик Кеннет Эрроу, нобелевский лауреат, в одном из интервью, как бы подводя общий итог своим исследованиям, сказал, что, к сожалению, пришел к выводу, что экономика слишком сложна для математики. И это очень глубокий вы-

вод человека, который всю жизнь посвятил именно математическим исследованиям, правда, у него хватало сил и для философского осмысления экономических процессов.

И последнее. Здесь один из наших выдающихся философов говорил о том, почему возникают проблемы с прогнозированием в области экономических исследований. Да потому, что прогнозы сами влияют на поведение людей. То есть, в отличие от естественнонаучной сферы, мы имеем дело с совершенно особыми субъектами, которые реагируют на все, что происходит, адаптируются, меняют институты и т. д.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова (вопрос из зала): — У меня два коротких вопроса, на которые я попрошу ответить одного зарубежного участника и одного участника из России. Сейчас в мире насчитывается, по-моему, уже около тысячи миллиардеров. Первый вопрос: в каком году в мире появится первый триллионер? И второй вопрос: правильно ли я понимаю, что человек, у которого сейчас на счете в банке лежит миллиард долларов, в миллион раз талантливее человека, у которого в банке лежит всего тысяча долларов?

Б. ДЕГАРДЕН: — Конечно, правда, что за последние 25 лет во всем мире увеличилось количество миллиардеров. Тем, что поднимаются фондовые рынки, пользуется очень небольшая доля населения. Это объясняет, почему есть миллиардеры. Но я думаю, что мы с этим когда-нибудь покончим. Я сейчас не могу себе представить появление триллионеров.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Это, конечно, очень экзотический вопрос, но я постараюсь ответить серьезно и коротко. Я надеюсь, что такой момент никогда не наступит. Дело в том, что наш мир всегда находился в кризисе, а сейчас — в особенно глубоком. И за 20 лет он пришел к тому, что, во-первых, нужно ограничивать неравенство, и уже возникает серьезная солидарность по этому вопросу; а во-вторых, надо заканчивать с тем, что финансовый сектор командует реальным. И в связи с этим я лично верю в то, что состоится какой-то тип конвергенции, где свобода, то есть либерализм, будет сочетаться с равенством, то есть справедливостью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, на этом наша панельная дискуссия подошла к завершению. Всем спасибо!